

18+

Сергей Семипядный

Когда время
становится круглым

Сергей Семипядный

Когда время становится круглым

«Издательские решения»

Семипядный С.

Когда время становится круглым / С. Семипядный —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933852-5

Голодно и бесприютно проживающие в окрестностях атомной станции бездомные собаки, возглавляемые «пенсионером МВД» по кличке Спецназ, вступают в борьбу с террористом, подготовившим взрыв станции. По ходу происходящих событий собакам приходится решать и некоторые проблемы морально-этического плана. Ведь они как люди.

ISBN 978-5-44-933852-5

© Семипядный С.
© Издательские решения

Содержание

Где кончается время	6
Подлое нападение на многодетную мать	9
Последствия взрыва атомной бомбы	10
Списки тех, кто должен умереть	15
Собачья кровь и рваная перчатка	20
Неудачный поход продотряда	22
Тяжёлая материнская доля	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Когда время становится круглым

Сергей Семипядный

© Сергей Семипядный, 2026

ISBN 978-5-4493-3852-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Где кончается время

Пёс по имени Предатель, вызывающе худой, с нервно подёргивающейся серой короткостриженной шкурой... Впрочем, «короткостриженный» — это так, фигура речи, сроду его никто не стриг. В общем, если без лишних слов, пёс по имени Предатель, внешне похожий на шакала не только фигурой, но и в связи с гримасой отвращения, навсегда, по-видимому, прилипшей к его морде, сидел на пригорке, среди мокрой от росы травы, и смотрел на солнце, издевательски медленно приближающееся с востока.

Предатель смотрел на солнце, застывшее над горизонтом, зло жмурился и тяжело ворочал в голове одну-единственную мысль, которая, если перевести её на человеческий язык, звучала просто и убийственно: «Почему?»

Притомившись, он оставил булыжник глобальной мысли, повернул голову вправо и скользнул взглядом по находящимся неподалёку двум десяткам единиц брошенной техники, среди которых — комбайн, картофелесажалки, самоходные косилки, трактор «Беларусь», ЗИЛ-130, ГАЗ-66 и, конечно, неопрятные кучи мусора.

Как всё отвратительно! И весь этот хлам, и солнце, и... И особенно этот Спецназ, считающий себя чистокровной немецкой овчаркой. Он, приближаясь, во весь опор несётся по просёлочной дороге, пролегающей слева от пригорка, вдоль высокого бетонного забора с колючей проволокой наверху. Притормозив, он производит несколько вдохов-выдохов, стремясь поскорее восстановить сбившееся дыхание, а затем сворачивает с дороги влево и, тяжело дыша, бежит по склону пригорка вверх, по направлению к Предателю. Не добежав нескольких шагов, Спецназ резко останавливается и делает шумный выдох.

— Ну!

Предатель бросил на Спецназа презрительный взгляд.

— Не нукай! Не запряг.

— Я — в целях... — Спецназу ещё трудно дышать. — В целях... экономии времени.

Сплетница намекает...

Предатель вскочил на ноги и ощерился.

— Да плевал я на время! — визгливо закричал он. — После того, что со мной сотворили, время стало круглым!

Спецназ ошеломлённо присел на задние лапы.

— Чего-чего? Как это время — круглым?

— А вот так!

— Время — это же в длину. Нет? — не вполне уверенно произносит Спецназ. — Но где-то там, где не видно, кончается.

Он смотрит на убегающий вдаль бетонный забор, на вытекающую из-под него и ускользающую на юг реку Горячку, затем переводит взгляд на высящийся за рекою, слева от забора и сопровождающей его дороги, холм с деревьями и кустами на макушке.

— «Где не видно» — это где? — решает между тем уточнить Предатель.

— Где командировки, в которых я не побывал с Андреичем. И уже не побываю, наверно, — с грустью ответил Спецназ.

Предатель со снисходительной усмешкой разглядывает собеседника.

— Ладно, время, допустим, кончилось. А что началось?

— Откуда я знаю! — Спецназ дёрнул плечами. — Время кончится там, где я, может, помру. Пардон, подохну. Это люди мрут, а мыдохнем.

На морде Предателя высветилась довольная улыбка.

— Скоро и люди подохнут.

— Помрут или скончаются, — помотал головой Спецназ. — А ещё говорят — «преставился». Это значит — предстал перед Богом. У них песня есть: «Мне есть что спеть, представ перед Всевышним, мне есть, чем оправдаться перед Ним».

Предатель усаживается на прежнее место.

— А вот нам, зверям, оправдываться ни перед кем не надо. И я говорю — подохнут. Потому что когда атомный взрыв, люди не пре-став-ля-ются, как ты тут высокопарно выражаешься, а дохнут. Они дохнут, как тараканы после дезинфекции!

Спецназ вытаращил глаза, вскочил и принялся бегать, обнюхивая всё вокруг.

— Атомный взрыв? Ты о чём?

Предатель с привычным выражением отвращения на морде наблюдает за Спецназом.

— Ты, говорят, мыло от тротила отличаешь?

Спецназ остановился и принял горделивую позу.

— Ну а как? Я ж пенсионер МВД. Пенсию, правда, не платят.

— Кстати, а как так получилось, что ты верой и правдой, как любишь рассказывать, а оказался бездомным? — спросил Предатель.

— Ну, получилось, — замялся Спецназ.

— Вот я и говорю — пусть дохнут.

Предатель поднимается и направляется мимо брошенной техники и куч мусора в сторону леса, куда по дну лощины, расположенной между пригорком и холмом, устремлена и окутанная ядовитыми испарениями река Горячка. Идёт он заметно сутулясь и излишне тесно прижимая хвост к задним ногам.

— Кто? — хмурится Спецназ.

— Все! Люди, звери, птицы!

Спецназ догоняет Предателя.

— Звери? Звери — это мы с тобой. Правда, домашние. Правда, бывшие домашние.

— Вот именно, что бывшие, — полуобернувшись, роняет усмешку Предатель и ускоряет шаг, переходя на бег. — Лишить молодого здорового пса надежды обрести счастье в личной жизни! Пускай все сдохнут! И я сдохну! Если время круглое, то какого чёрта!

Спецназ сделал рывок, обогнал Предателя и преградил тому путь.

— Подожди, Предатель. Хочешь сказать, атомную станцию взорвут? — Спецназ бросает взгляд на находящийся позади Предателя, в отдалении, бетонный забор. — А? Станцию?

Предатель фыркнул и с ухмылкой посмотрел на Спецназа.

— Да, это я и сказал, придурок!

Он по дуге огибает Спецназа и продолжает свой путь. Спецназ присаживается и гордо выпячивает грудь.

— Чёрт! А я неплох. Надо же, из бреда Предателя про круглое время я вычленил и... Ай да Спецназ, ай да мамкин сын!

Спецназ вскочил и вновь догнал Предателя.

— Где?

— А не желаю с органами сотрудничать! — не останавливаясь, бросил Предатель.

— Но ты пойми!

— Отстань! — огрызнулся Предатель.

— Подожди! — не намерен отступать Спецназ.

Предатель резко остановился и, повернувшись к Спецназу, зло ощерился.

— Когда меня ловили, чтобы лишить надежды обрести семью, ты вступился? Никто не помог, все в разные стороны... Даже бабы.

— Кто ж знал, зачем ловят, — произнёс Спецназ и виновато опустил глаза.

— То-то и оно. Никогда ничего не знаешь. А ещё в органах служил.

Предатель повернулся и побежал к лесу.

— Я за идею служил, а не для того, чтобы использовать связи! — прокричал ему вслед Спецназ.

— За пайку ты служил, — бросил через плечо Предатель презрительно. — На работу голодным каждое утро гнали. А потом ты отъедался.

Спустя секунды он скрывается за деревьями и кустами.

— Специфика такая, — пробормотал Спецназ. — Ну ладно, не хочешь сотрудничать — я и без тебя обойдусь.

Спецназ покрутил головой по сторонам, затем, бросая зоркие взгляды то влево, то вправо, побежал в направлении бетонного забора.

За пайку! Он, Спецназ, — за пайку! До какой же степени нужно не уметь разбираться в собаках, чтобы подобное сказать о нём, о Спецназе, столько лет своей жизни посвятившем служению долгу! «Предотвращение, Спасение, Помощь» — один из его девизов. Как у МЧС.

Подлое нападение на многодетную мать

Мать, рыжешёрстная красивая колли, ещё не старая, но и не молоденькая уже, жила в последнее время исключительно, можно сказать, интересами своих детей. Она не думала, что с ней будет осенью, не загадывала, как сложится её личная жизнь следующей весной. Да, ни о чём таком она и не помышляла даже. Детей бы поднять, на ноги поставить.

Но это так говорится. Все четверо на ногах держались уже очень даже неплохо. Да они, эти бесенята, носились уже так, что только успевай поворачиваться и отслеживать их перемещения, по-детски непродуманные и безбашенные. А то вдруг рассорятся в пух и прах на ровном месте, что называется, да и подерутся вдобавок. Хорошо, косточки ещё мягкие — ни одной серьёзной травмы ни у кого пока не случилось, даже у мальчиков.

А главная забота — накормить. После того как всех представителей семейства псовых выгнали с территории атомной станции, проблема питания приобрела столь важное значение, что Мать всерьёз опасалась, что не сможет вырастить детей крепкими и здоровыми.

И сегодня она впервые решилась сводить детей в деревню, находившуюся в двух километрах от КПП станции. Однако два километра — это если двигаться по Эм-1, дороге наиболее оживлённой из всех близлежащих и потому особенно опасной. А по Эм-3, просёлочной полузаброшенной дороге с ямами и вечными лужами, — не менее трёх километров на биоспинометр намотать можно.

К тому же добежать ещё надо до Эм-3. А это — сначала мимо Эрвэпэдэ к мосту через Горячку, потом, за мостом уже, — в обратную сторону мимо холма через лес. Можно, конечно, непосредственно от шалаша, где она проживала с детьми, пробираться к Эм-3 через лес, включающий в себя широкую полосу посадок, напрямую, однако на это надо ещё решиться. Посадки эти крайне неухоженные и заросшие до самой неприличной степени — в таких дебрях детей и потерять не трудно.

А вокруг холма лес вполне цивилизный, даже тропинки имеются. По одной из таких тропинок Мать и вела детей к дороге Эм-3, когда повстречала незнакомого усатого мужчину в камуфляжном костюме и кожаных перчатках на руках. И сразу он ей не понравился, с первого взгляда. Глаза злые, вместо лица — гримаса отвращения, ну, вылитый Предатель с его сквашенным ртом и усами скобкой.

Мать скоренько загнала детей за ближайший куст, а сама встала рядом, удалившись от тропинки на несколько шагов. Она стояла и с опаской наблюдала за приближающимся усатым, который словно бы и не видел её. Он, кажется, и не смотрел в сторону уступившей ему дорогу собаки. Однако каково же было удивление Матери (и испуг, естественно), когда усатый, поравнявшись с нею, сделал вдруг два быстрых шага в её сторону и нанёс резкий удар ногой.

И Мать, не успевшая отпрыгнуть на достаточное расстояние, получила ощутимый удар в правую переднюю ногу. Взвизгнув, она бросилась в лес, но почти тотчас остановилась и, поскуливая от боли, принялась отыскивать взглядом метнувшихся в разные стороны щенков. И увидела, что злодей смотрит на неё и улыбается.

— Ко мне! Все сюда! — закричала Мать. — Эйла! Юна! Финли! Норри!

Потом они бежали обратно к шалашу: дети впереди, Мать, преодолевая боль в ноге и тревожно оглядываясь, — замыкающей. Сейчас она спрячет детей, а затем отыщет кого-нибудь из соплеменников и предупредит об опасности, исходящей от злого человека, неизвестно откуда взявшегося и способного, как она убедилась, на самые подлые поступки.

Почему некоторые люди не задумываются, что они живут среди тысяч и тысяч зверей и птиц, и даже не пытаются понять их чувства, узнать о чаяниях их и надеждах? Оказался волею случая на более высокой ступеньке эволюционного развития — и всё, что ли? Ты бог и царь? Недостойно это.

Последствия взрыва атомной бомбы

Добежав до идущей вдоль бетонного забора дороги Эм-2, просёлочной, с вкраплениями щебёнки и асфальта, Спецназ, резко присев на задние ноги, затормозил и осмотрелся по сторонам. Затем он подошёл к прорытому вдоль основания забора рву метровой глубины и принохался. «Да, обследовать ограждение станции — это прежде всего», — решил он и неторопливо побежал вдоль рва, бросая внимательные взгляды на забор.

Не преодолев, однако, и пятидесяти метров, он остановился и, наострив уши, принялся глядываться в преградивший ему путь куст какой-то неинтересной породы.

— Эй, кто там? — послышался из-за куста сипловатый голос.

— Лежебока? — вскричал Спецназ и обогнул куст.

Да, это она. Помесь кавказской овчарки с неизвестно кем, возможно, со свиньёй, но очень костлявой, как выразился однажды Фашист, обозлившись из-за чего-то на старушку Лежебоку.

Да, лежит в тенёчке, как всегда, на боку, валяжно отбросив лапы в сторону, и, полуприкрыв глаза, смотрит вдаль.

— Спецназ! Кхе, кхе! — Лежебока лениво поворачивает голову. — Не в службу, а в дружбу...

— Где?

— Между лопатками. И — ниже, если не в падлу.

Лежебока переворачивается на живот.

— А потом ещё животик попросишь, — поморщился Спецназ.

— Нет, только спинку, клянусь. Хотя бы спинку.

Спецназ присел на задние лапы и принялся чесать Лежебоке спину обеими передними.

— Полегче! Не дерьмо закапываешь, — проворчала Лежебока.

— Дерьмо я задними закапываю. Я, слышь, сейчас с Предателем разговаривал.

Спецназ вскочил на все четыре ноги и сокрушённо замотал головой.

— И что? Да ты продолжай, продолжай! — заворчала Лежебока.

Спецназ опять уселся и принялся чесать Лежебоке спину, понимая, что для длинношёрстной Лежебоки это порой жизненно необходимо. Тем более — в нынешних условиях их бездомной жизни, обусловившей почти полное отсутствие возможностей придерживаться правил личной гигиены хотя бы на минимальном уровне.

— Я и говорю: кто-то что-то где-то закопал. И такое дерьмо, от которого плохо станет всем. И не только людям, но и нам, собакам.

— И бездомным?

— Взрыв атомной станции! — вскричал Спецназ. — Ты представляешь, что это такое?!

Прекратив чесать Лежебоке спину, он вскочил и принялся суетливо бегать около кустов и обнюхивать землю.

— И что, ни покушать, ни полежать, если погодка позволяет? — лениво проговорила хмуро наблюдающая за ним Лежебока.

Спецназ замер на месте и вытаращил глаза.

— Погодка! Да просто мрак и медленная смерть! Это для тех, кто уцелеет во время взрыва.

Лежебока укладывается на бочок и почёсывает пузо.

— У нас жизнь и так — медленная смерть. Никто же не любит. И кушать, Спецназ, жутко хочется.

— А ты не лежи сутками. В общем, идём.

Спецназ несколько раз толкает Лежебоку. Лежебока нехотя приподнимается.

— Куда?

— Тротил искать. Заодно и покушаем, если что подвернётся.

— Может, Обжору взять? У неё нюх на еду. Как у тебя на тротил и прочий аморал.

— Аммонал, — поправил Спецназ.

— Это то же самое.

Лежебока поднимается на ноги и потряхивает шкурой, приводя себя в порядок.

— Ну! — в нетерпении вскричал Спецназ и завертел головой по сторонам.

— Она, зверюга, птичку какую-то изловила. И как лапа поднялась? — вздохнула Лежебока.

— Где она? Надо периметр осмотреть.

— Да по пути. Тут она, рядом, у речки. Просила её поделиться, да куда там.

Спецназ сорвался с места и бросился бежать вдоль рва. Лежебока перебралась на дорогу и потрусилась по ней в том же направлении.

Обжора, пузатая серая болонка на рахитичных ножках, находилась неподалёку от одноколейного деревянного моста через реку Горячку, неширокую и быструю, воды которой вырываются из-под бетонного забора атомной станции и уходят в ложину. Обжора лежала и, тревожно поглядывая по сторонам, грызла небольшую косточку. Завидев приближающихся Спецназа и Лежебоку, она прижала лапами кость к земле и злобно осерилась.

Если у Обжоры отобрать хотя бы маленький кусочек пищи... Нет, это, естественно, исключено. Однако если бы кому-то из знакомых с Обжорой удалось представить себе, что кто-то отобрал у неё пищу, то он с лёгкостью вообразил бы и мгновенную смерть её.

— Видел? — усмехнулась Лежебока, останавливаясь около замершего в раздумье Спецназа. — На куски порвёт любого. Кхе! И не только меня, но и вашего брата. И не только Предателя или другого кого из бывших. Ты, когда у неё начнётся романтический период...

— Ты просто ревнуешь, — перебил Спецназ.

— Вот ещё! А ты знаешь, из какой она семьи?

Спецназ нервно дёрнул головой.

— Не желаю слушать! Я буду вести себя так, как и положено. Если уж у меня появится ещё один шанс...

Спецназ встряхнул шкурой, словно только что из воды, принял молодцеватую позу и подмигнул Обжоре. Обжора, дежурно улынувшись Спецназу, схватила кость и отбежала на несколько шагов в сторону.

— Да ладно, плодись ты. Кхе! — сделала вид, что не обиделась, Лежебока и улеглась на травку рядом с дорогой. А потом ещё и зевнула, громко и с пренебрежением. Отзевавшись, добавила: — А она, пока не перемелет последнюю косточку, с места не двинется.

— Эй, кончай трубуху ковырять. Пошли с нами, — обратился к Обжоре Спецназ.

— Куда?

— Террористов ловить, — объявил Спецназ и, незаметно подмигнув Лежебоке, заверил: — Они сытные.

— Террористы — это навроде индюков?

Обжора на секунду отрывается от разгрызания кости и поднимает взгляд на Спецназа.

— Нет, это люди... В смысле, нелюди. Но по виду и на вкус, полагаю, такие же. А с учётом того, что их забугорные спецслужбы подкармливают, то и вообще...

Обжора, оставив вдруг кость, вскочила и возмущённо вытаращила глаза.

— Вы что?! Да за это же... Забыла, как это называется.

— Каннибальство, — подсказала Лежебока. — Да. Кхе! Всю диаспору бездомных изведут.

Лежебока потягивается и укладывается поудобней, на бочок.

— Во-первых, каннибальство, — решил поправить Спецназ, — это когда люди — людей, а во-вторых, террористов и вообще-то принято уничтожать при задержании. И уничтожают. Но, правда, не поедают.

— А у людей всё не как у зверей, — скривилась Обжора. — Убьют, а потом закопают. И зачем убивать было?

И она вновь принялась за кость.

— Если не обезвредить террористов, то погибнет масса людей, — вздохнул Спецназ. — Это смерть и куски мяса на всю округу.

Обжора отшвырнула в сторону остатки кости и подбежала к Спецназу.

— Куски мяса на всю округу?

— На всю. И сырое, и запечённое.

Обжора изумлена.

— То есть — как сроду не бывало?!

— Говорят же тебе, — лениво протянула Лежебока.

— Здорово! — вскричала Обжора.

— Что здорово? — нахмурился Спецназ.

— Я наемся, наемся навсегда, — мечтательно проговорила Обжора. — Если будет столько мяса, то, естественно, — навсегда. И больше не надо будет. И даже желания не будет.

Лежебока скептически усмехнулась.

— Желания не будет? Это ты загнула. Кхе! Так не бывает.

— Потому что столько много никто не ел. А если съесть, то — будет.

— А удовольствие от еды? Ведь когда с хрящиком... — почти что промурлыкала Лежебока своим сипловатым голосом.

— А удовольствие останется навсегда. Когда на всю округу и сырое, и запечённое, и косточки, и потрошки... Да о чём мы говорим — не бывает же! — вдруг перебила саму себя Обжора и принялась искать недоеденную кость.

— Погибнут не только люди, — покачал головой Спецназ. — Нас тоже на куски порвёт.

Обжора замирает и оборачивается. На морде её — выражение высшей степени изумления.

— Всех? Но кто-то же должен будет... Имею в виду, что кто-то же мясо-то пособирает. А? Разве нет?

— А никто.

— Нет, кто-то останется, — не верит Обжора. — Я, чур, останусь! Да, я больше всех всегда хочу есть. И я наемся раз и навсегда. И удовольствие тоже — навсегда... Потому что будет очень сильным. Сильным и твёрдым. Как камень. Да, как камни, которые настолько твёрдые, что никуда не исчезают вовек.

Неожиданно, из ниоткуда практически, появляются Сплетница и Турист. Сплетница похожа на большеглазую блондинку болонских кровей, а Турист фигурой русская гончая, а на морду — пекинес нестриженный. Сплетница в жутком возбуждении.

— Что произошло? Что происходит? — вертится она, да так, что искры летят из её вытаращенных глаз. — Я же вижу! Что тут у вас? Ну! У меня уже было предынфарктное. Чего вы добиваетесь?

Вопрос о том, чего добиваются от неё окружающие, звучал в устах Сплетницы как прямое обвинение в покушении на её жизнь. Это просто недопустимо, это убийственно, когда кому-то что-то известно, а ей нет.

Спецназ посмотрел на Сплетницу и печально проговорил:

— Проверил твою информацию. Возможен взрыв станции.

— Похоже, скоро наедемся-таки! — торопится вставить Обжора.

— Ну-ну-ну! — дрожит от нетерпения Сплетница.

— Говорят же тебе, — начал сердиться Спецназ, — кто-то собирается взорвать станцию. И все погибнут. Все люди. Даже те, думаю, которых и с самой высокой трубы станции не видно. Ну и мы, естественно.

Обжора пожала плечами.

— И якобы некому будет кусочки подобрать. Но это врут, я тебе говорю.

— Уходить надо! — взволновался Турист и заглядывался по сторонам. Затем добавил с досадой в голосе: — Ведь планировал же сегодня выдвинуться!

— Катастрофически теряю квалификацию. Так кто погибнет? — продолжает суетиться Сплетница.

— Сказано же — все! — нервничает Спецназ. — Кто-то в момент взрыва, а кто-то...

— Вот и я знала, что не все и сразу! — радостно перебила его Обжора. — И я подберу всё, что от всех останется!

Сплетница, сердито куснув Обжору, обернулась к Спецназу.

— По порядку, пожалуйста. Уже жалуются, что в предоставляемой мною информации нет системности, логики и ещё чёрт знает чего. Даже во лжи обвиняют. Хотя я всегда из первых рук, максимум — из третьих.

— Хочешь из первых — иди к Предателю. Недавно он от Ржавой Выставки... — Спецназ оборачивается к виднеющейся на вершине пригорка Эрвэпэдэ и видит приближающегося Предателя. — Кстати, лёгок на помине.

— Знаешь же, что отказался от интервью, — проворчала Сплетница.

Спецназ пожал плечами.

— Попробуй ещё раз. А потом уж придётся, видимо, самому мне...

Сплетница кинулась к Предателю.

— Ну-ну-ну!

Предатель бросил на неё злобный взгляд.

— Больше ничего не скажу. И это будет самое большое моё предательство. Что называется, всех и сразу.

Предатель опускается на травку и устраивается поудобней. Спецназ, Обжора и Турист подбегают к Сплетнице и Предателю и обступают Предателя со всех сторон.

— Уверен, что не скажешь? — угрожающе прорычал Спецназ.

Обжора решает давить на жалость.

— Я и не едала ещё досыта!

— Масса же маршрутов нереализованных! — вскрикивает Турист, и в голосе его слышится отчаяние.

Подошла и Лежебока.

— Но зачем же, камрад? — спросила она словно бы даже и с удивлением и дружески улыбнулась Предателю.

Предатель улыбнулся в ответ и не без грусти в голосе поведал:

— Устал от мелких подлостей. Это как рутинная домашняя работа. Крутишься, крутишься, а спроси про результат... А если всех и сразу — это как подвиг, который на века.

Сплетница с раздражением хватается Предателя зубами за бок.

— Какие века?! — кричит она сварливым голосом. — Если никого и нигде, то века отменяются!

— Чтоб умерла не насытившись... — Обжора подавлена. — Нет, так не бывает.

— А твой брат? — обернулась к ней Сплетница. — Он тоже вечно ныл, ныл, ныл, а потом под машину попал.

— Он не так, как я, хотел. Всегда — не так. А я — всегда. И если никто не угощает, то я, пожалуй, пойду.

Обжора отбежала в сторону и завертела головой, раздумывая, куда направиться.

Спецназ подступил к Предателю вплотную и толкнул его.

— Доложи, что именно ты видел?

— Я всё сказал.

— Ты видел взрывчатку или террористов?

— Я видел всё и всех! — с вызовом вскинул голову Предатель.

— Ты не можешь так с нами, — зарычала Лежебока, и шерсть на её загривке заметно приподнялась. — С нами и с людьми, около которых мы кормимся!

— Около которых кормимся? — вскочил на ноги Предатель. — Вы о тех, которые прогнали нас со станции и обрекли на вымирание? Да идите вы!

Предатель срывается с места, стремительно проносится по мосту и сворачивает влево. Вдоль реки, по восточному склону высящегося справа холма, он бежит к лесу.

— Догнать! — приказывает Спецназ и первым бросается в погоню. Сплетница, Турист, а также Обжора и Лежебока следуют его примеру.

Списки тех, кто должен умереть

Фашист, типичная дворняга, во внешности которого было что-то и от восточноевропейской овчарки, и даже, кто-то ему говорил, от лабрадора, ну, может, не вполне чистокровного, считал себя образцовым псом и этим очень гордился. Взять хотя бы нервную систему. Железная. Стальные, без всякого преувеличения, нервы. Он, столько всего переживший, а это и трагическая судьба единоутробных братьев, и ранняя смерть родителей, оставался оптимистом, верящим в свою звезду.

Ну, о вере в звезду — это так, красивое выражение, не свойственное, в общем-то, Фашисту. Он сам как-то подсчитал, что процентов на восемьдесят он циник, причём — стопроцентный. И только на сколько-то из оставшихся двадцати, не на все даже, — романтик. И романтик не в смысле «ахов» и «охов», а по части веры, опять же, в свою счастливую звезду и высокое предназначение.

Про звезду и предназначение, правда, не очень понятно было. Но об этом надо будет как-нибудь на досуге, желательнее — на сытый желудок, поразмышлять поосновательней и формулировочки отшлифовать.

Когда Фашист пробежал лесную поляну с большим пнём посередине, навстречу ему выскочил заметно вспотевший Предатель.

— Стой! Что случилось? — спросил Предателя Фашист.

Предатель остановился и попробовал перевести дыхание.

— Они узнали.

— И?..

— Порвут, похоже, — выдохнул Предатель и тревожно оглянулся. Он близок к панике. Даже всегдашнее выражение отвращения на его морде заметно подрамылось.

Фашист самодовольно улыбнулся.

— Не порвут. Давай — вон туда.

Фашист и Предатель выбежали на середину поляны и остановились около пня.

— Обозлились чего-то, — с деланным недоумением на морде и словно бы оправдываясь произнёс спустя секунду Предатель, немного успокоившись.

— Спина к спине, — приказал Фашист. — Главное — страх не показать.

И вот уже выбежавшие на поляну Спецназ, Турист, Сплетница, Обжора и Лежебока окружают Фашиста и Предателя, прижавшихся хвостами к основанию пня.

— Фашист, этот подлец... — начал Спецназ.

Однако Фашист выслушивать его не намерен.

— Правильно, они все должны умереть.

— Кто — все? Списки уже составлены? — задёргалась Сплетница.

Фашист усмехнулся, окинул собак высокомерным взором, затем прыгнул на пень.

— Составлены. Списки давно уже составлены, — с пафосом заявил он. — Я неоднократно говорил и повторяю: все эти таксы, бультерьеры, мастины и чаю-нечая должны умереть. Выжить имеет право сильнейший, тот, кого природа приемлет.

— То есть, у кого аппетит? — уточнила Обжора.

— Думаю, тот, кто обществу полезен, — поправил её Спецназ.

— Да, кто обо всём и всегда. Я, значит, — предложила свою версию Сплетница.

— Им делают по десять прививок! — округляет глаза Фашист. — Да если мне десять прививок — я стану бессмертным. Даже ещё больше, чем люди. Люди бессмертны максимум до ста лет, а я был бы бессмертен до... Ну, до ста десяти по меньшей мере. Да я неделю не ел, размышляя о судьбах собачьей популяции, и ничего. Кстати, я проглотил бы чего-нибудь.

Фашист, заметно погрузнев, осмотрел слушателей, затем прыгнул с пенька.

Обжора придвинулась к Фашисту.

— Будет взрыв, и нажрёмся. Если, как и я, уцелеешь.

Её слова услышал Спецназ.

— Никто не уцелеет! — с раздражением проговорил он.

— Можем уйти, а потом вернуться. У меня имеется несколько прекрасных маршрутов, — объявил Турист.

Предатель усмехнулся.

— Далеко не уйдёте. Да, взрыв очень скоро.

— Смотря как идти, — загорячился Турист. — До противоположной стороны экватора, я слышал, всего двадцать тысяч кмэ.

Лежебока закатила глаза.

— Двадцать тысяч! Кхе-кхе! Километр-то много. Меньше намного, чем вокруг станции.

— Мать хромает! — вдруг раздался радостный вскрик Сплетницы. — С утра не хромала, а теперь хромает! Мать, почему хромаешь? Ну! Ну-ну!

И все обернулись к выбежавшей на поляну Матери. И увидели, что она и в самом деле заметно припадает на правую переднюю лапу.

Мать, добежав до сородичей, присела и бросила печальный взгляд на Спецназа.

— Я шла с детьми... В общем, он ударил меня.

— Это ещё что такое? — Обжора с возмущением воззрилась на Спецназа. — Мало того что детьми практически не занимается...

— Да я ни разу лапу не поднял! — вскричал Спецназ и подбежал к Матери. — Кто? Как ударил?

— Не знаешь, как бьют собак? Бесквартирных собак пинают.

— Кто посмел? Ты же Мать! Ты мать четверых щенков, не считая... Ну, кто прошлое помянет... — Спецназ выхватывает зубами репей, прицепившийся к шерсти на шее Матери, и отбрасывает его в сторону.

— Сутулый с усами? — потягиваясь, произнёс Предатель.

— Да, — обернулась к нему Мать. — На тебя, кстати, очень похож.

— Я его прозвал Тараканом.

— А дети? — обеспокоился Спецназ.

— Думала, тоже пинать будет. Но я их с дороги, чтоб не достал... — поведала Мать.

Спецназ помотал головой.

— Он всех достанет, если я меры не предприму.

Фашист насмешливо фыркнул и вспрыгнул на пенёк.

— Истинные псы выживут, — самодовольно объявил он. — А эти все, ну, экстерьерные, которые спят с хозяевами в одной постели, помрут. И это справедливо. Их моют, стригут и даже, возможно, завивают. Разврат! — Фашист покинул трибуну, обернулся к Сплетнице и, сооротив презрительную морду, спросил: — Искусственная завивочка?

— Не твоё дело! — огрызнулась Сплетница. — В прошлой жизни, кстати, у меня был знакомый буль с металлокерамическим мостом. И что? Или ему всю жизнь кашку хлебать?

Фашист ухмыльнулся.

— Он должен был умереть. Не сохранил зубы — что ж... Такой закон.

Спецназ поднялся на задние лапы и постучал по срезу пня.

— Звери, мы с людьми живём!

— Мы не взрываем друг друга, — счёл необходимым возразить Предатель. — Впрочем, если взрыв... — Предатель улыбнулся. — Да, это будет и мой подвиг. Не только террориста Таракана.

Спецназ обернулся к Матери.

— Ты его видела. Мать, опасность грозит и твоим детям.

— Мои дети — не только мои дети.

— Я не об этом. Где ты его видела?

Собаки окружают Мать. Все, за исключением прилётшего на травку Фашиста, а также Предателя, который, стараясь остаться незамеченным, пятится к ближайшим кустам.

— Если туда ломанёмся, такой-то толпой, то всех детёнышей перебудим. Они же рядом, за речкой.

Лежебока подняла взгляд на солнце.

— Тихий час? Кхе! Кхе! Не рано ли? Хотя я тоже полежала бы, да кушать хочется.

— Показывай! — решительно произнёс Спецназ.

— Да-да! — подступила к Матери Сплетница.

— А вы возьмёте да и разлааетесь ни с того ни с сего. Собаки и есть собаки, да ещё без роду без племени, неблагородные.

Фашист, уловивший нотки превосходства в голосе Матери, вскинул голову и приподнялся.

— Ах-ах, неблагородные! Да мы и есть элита. Мы выживаем там, где всё живое вымирает. Если не считать крыс.

— При взрыве и крысы погибнут, — поспешил заявить Спецназ.

Сплетница покачала головой.

— Насчёт крыс сомневаюсь.

— Крысы не погибнут, — возразила Обжора. — После взрыва они откормятся и станут таксами. Но без родословных и прочих ксив.

— А станут таксами, то и помрут, — оживился Фашист. — Таксы — вырожденцы, которые без прививок, уколов, капельниц и прочих систем...

Не закончив, Фашист вскочил, подбежал к пню и присел, готовясь запрыгнуть на него. Однако оказавшийся поблизости Спецназ грубо оттолкнул его от трибуны и угрожающе клацнул зубами.

— Хватит, слышали! Кстати, где Предатель?

Спецназ принялся оглядываться по сторонам.

— Он всегда делает одно и то же. Он предаёт, — с мстительной усмешкой ответил Фашист.

Сплетница радостно подпрыгнула.

— Он же ушёл! Я знала, я видела!

— Что ж молчала-то? — рыкнул Спецназ.

— Любая новость должна быть ко времени. И я вижу, что именно сейчас эта новость особенно востребована. Мой нюх...

— Идиотка! — перебил Спецназ. — В твоей голове не извилины, а кудряшки!

Лежебока, лениво потягиваясь, объявила:

— Если сейчас побежите искать Предателя и террориста, то я, пожалуй, прилягу. Хотя и голодная.

— Сограждане, — с пафосом проговорил Спецназ, — мы должны объединиться в борьбе за выживание!

— А если просто хочется кушать и объедаться? Если хочется всего лишь быть сытым и счастливым? — поспешила возразить Обжора.

Спецназ раздражён.

— Вы способны лишь визгливой стаей на проезжающие автомобили бросаться!

— Твои предложения, специалист? — проговорил Фашист, бросив насмешливый взгляд на Спецназа.

— Предложения? — вскинул голову Спецназ.

Он, кажется, готов изложить свои предложения максимально внятно и в общедоступной форме, но кому это интересно? Вот и Фашист, задавший вопрос о предложениях, уже отошёл в сторонку и устраивается на травке.

Спецназ подступает к Матери.

— Мать, где ты видела Таракана?

— Дети спят. Я же сказала. А это мимо надо. Не орать-то ведь никто не может.

— Да отоспятся они ещё! — нетерпеливо переступая с ноги на ногу, рыкнул Спецназ.

— Если живы останемся. Веди нас!

— Хорошо. Но — с другой стороны. Тем более что он как раз от Эм-3 шёл.

— На холм? Нет. Мы проигрываем во времени.

— Я догадалась! — радостно подпрыгнула Сплетница. — Спецназ думает, что Предатель отправился к террористам!

— Вперёд, войны! — воззвал Спецназ. — Все за мной! Он не должен уйти!

— Мы растерзаем Таракана, разберём на кусочки! — с воодушевлением возвестила Обжора. — Большие — мне, а остальные...

Лежебока толкнула Обжору в бок.

— Но Предатель... Кхе! Предатель же наверняка сделал своё дело.

— Да, поест, пожалуй, не получится, — погрустнела Обжора.

Турист отбежал в сторону, затем остановился и обернулся.

— Уходим! Предложение действительно в течение пяти минут! Кто согласен — ко мне!

Проходим подготовку и, проинструктированные, — в путь!

— Далеко же, — простонала Лежебока.

— Зато места-то какие! — радостно парировал Турист. — И живёшь, как бездомный, но уже не бродяга. Дауншифтерами будем называться.

Спецназ гордо выпрямился.

— Ладно, туристы-беженцы, я один двину. Я, конечно, мог бы и приказать, и меры соответствующие... Но я, Бойцы Шустрые Ноги, пойду сейчас и в одиночку покараю врага. Мать!

Мать вздохнула, покачала головой, затем направилась к лесу. Спецназ окинул собак сердитым взглядом начальника, пребывающего в состоянии крайнего недовольства, порычал многообещающе, затем повернулся и побежал следом за Матерью.

Фашист проводил взглядом удаляющихся Мать и Спецназа и с презрением сказал:

— Вожак называется. Давно уж в город надо было переселиться.

— Да-да, — поддакнула Сплетница. — И вот почему мы всё ещё здесь?

— А не повёл почему-то нас на город начальник, — продолжил Фашист, саркастически улыбаясь. — Да взяли бы какой-нибудь городишко, пусть даже районный центр, и жили бы припеваючи.

О городе разговоры заходили уже не впервые. Действительно, город есть город. Жизнь в каком-нибудь миллионнике или даже стотысячнике многим почему-то представлялась если и не раем пятизвёздочного уровня, то уж, во всяком случае, не шла ни в какое сравнение с нынешним их существованием. И какая это жизнь, если ночевать приходится на свалке отжившей техники, прозванной Ржавой выставкой последних достижений, сокращённо — Эрвэпэдэ?

Ладно бы ещё, если бы поблизости находился какой-нибудь, хотя бы мало-мальски значимый, источник пропитания. Но его нет. Точнее, он имеется, и очень даже неплохой, по крайней мере, в недавнем прошлом, а именно — в период проживания на территории атомной станции, никто особенно не жаловался. Однако доступа к нему, а это столовая и имеющаяся при ней кухня, собак практически полностью лишили. Да, сначала выгнали с территории станции, где у каждого была крыша над головой, а потом и дыры и щели в заборе ликвидировали. Более того, охране станции поручили выявлять и закапывать все лазы, которые собаки путём невероятных усилий, в кровь обдирая когти, рыли, устраивая подкопы под бетонные плиты забора.

И наступил апокалипсис. Это если мягко и по-научному. А если прямо и по правде — голодать стали бездомные собаки. До мора ещё не дошло, но голодная смерть уже многим не казалась чем-то фантастичным и несбыточным. Кое-кому даже снилась, заставляя вздрагивать, дёргаться и вскакивать по ночам, обливаясь холодным потом до костей пробирающего ужаса.

Собачья кровь и рваная перчатка

Таракан лежал на вершине холма, около небольших кустиков и, прикинув к окулярам бинокля, осматривал территорию расположенной неподалёку атомной станции, а также окружающий её бетонный забор, когда к нему подкрался Предатель. Появившись из леса, подступающего к холму с южной стороны, он уселся в десятке метров от Таракана и принялся лаять, громко и злобно, так, как лают на чужих и опасных.

— Пошёл вон! — обернулся к нему Таракан.

Однако Предатель продолжил лаять. Тогда Таракан, осмотревшись, сместился в сторону, подобрал сучковатую палку, потом развернулся и, приподнявшись, запустил ею в Предателя. Предатель, ловко увернувшись от летящего с посвистом снаряда, отбежал чуть подальше и принялся лаять громче, чем прежде.

— Вот же скотина! — выругался Таракан.

Он выхватил огромный кинжал из находящихся на брючном ремне ножен и с ненавистью уставился на Предателя. Предатель попятился назад и укрылся за стоящей на опушке леса сосной. И продолжил лаять.

Но это если со стороны смотреть. А на самом деле Предатель теперь уже не стремился излишне ярко выражать злобу, ненависть и презрение к Таракану, не старался брызгать горячей слюной и сверкать искусственно выпученными глазами. Предатель в данную минуту, откровенно, в общем-то, издеваясь над Тараканом, громогласно читал любимый стих знакомого оператора метеостанции:

— Буря! Скоро грянет буря! Это смелый Буревестник гордо реет между молний над ревушим гневно морем. То кричит пророк победы: «Пусть сильнее грянет буря!»

Таракан убрал в ножны кинжал, упрятал бинокль в футляр, а потом поднялся и, пригнувшись, побежал к лесу.

Предатель поспешно отскочил в сторону, а затем, убедившись, что ему ничто не угрожает, закричал:

— Ты понял, придурок, кто тебе кровушку-то попортить может? Распорядок, поди, время обходов высматривает. Идиот! Если бы у Спецназа получилось с этим сбродом справиться...

Предатель замолчал, прервав себя на полуслове, и задумался. Затем он кивнул несколько раз головой, словно соглашаясь с какими-то своими мыслями, и побежал следом за Тараканом. Да, он рассчитывал стать свидетелем кое-каких событий, способных некоторым образом развлечь и позабавить.

А незадолго до этого Спецназ и Мать, бежавшие по лесной тропинке, внезапно остановились. Точнее, сначала замерла следовавшая первым номером Мать, а уж потом — ткнувшийся головой в её зад Спецназ.

— Что? — спросил он.

— Это было здесь. Я детей с дороги... Я сама отошла в сторону, а он...

— Куда он ушёл? — нетерпеливо перебил её Спецназ.

Мать кивнула в направлении виднеющегося за верхушками деревьев просвета.

— Я же говорила. Туда, к опушке леса, за которым — вершина холма.

— За мной! — сорвался с места Спецназ.

Вскоре он уже кружил и выписывал восьмёрки, обнюхивая траву на вершине холма, а Мать молча стояла тут же и без особого интереса посматривала по сторонам. Очень скоро это занятие окончательно ей наскучило, и Мать сказала:

— Да нет его здесь. Глазам-то уже не доверяешь?

— Это осмотр места происшествия называется, — пояснил Спецназ. — Он здесь лежал, и лежал долго. И не один раз.

Мать усмехнулась.

— А взять след, догнать...

— След я взял. И догоню! — не без обиды в голосе вскричал Спецназ и, пригнув голову к земле, бросился в сторону леса, растущего на южном склоне холма.

Мать без особой охоты побежала за ним следом. Не горела она желанием вновь встретиться с Тараканом. А правильнее сказать, она предпочла бы вообще никогда не видеть подобных типов, не сталкиваться с ними на жизненном своём пути. Да лучше бы такие подлецы и во сне не являлись бы ни ей, ни тем более её детям.

Терзаемая в прямом смысле этого слова мыслями панического плана Мать бежала небыстро. Да и нога ушибленная давала о себе знать всё никак не утихающей болью. И когда изрядно приотставшая Мать оказалась на месте только что состоявшейся схватки Спецназа и Таракана, то первое, что она увидела, это была кровь на тропинке. Небольшая такая лужица ещё не остывшей собачьей крови алого цвета.

Мать в ужасе оглянулась по сторонам. Где Спецназ? Куда он подевался? Жив ли он ещё? Заполз, теряя последние силы, в кусты и умер? Найти его и прикрыть утратившие блеск глаза? А вдруг враг ещё где-то здесь, поблизости? Мать, невольно пятясь, в очередной раз окинула взором окружающее пространство.

В этот миг послышался треск ломаемых сучьев под ногами кого-то большого и неосторожного, и из-за деревьев появился Таракан. Он вышел на тропинку буквально в десяти шагах от Матери. Вышел, бросил на Мать свирепый взгляд, затем нагнулся и вырвал из-под ног у себя пучок травы. Спустя секунду Мать уже наблюдала, как этим зелёным клочком он вытирает лезвие окровавленного ножа.

За минуту до встречи со Спецназом Таракан, шедший по этой сбегаящей с холма лесной тропинке, остановился, вынул из кармана мобильник и, сняв с правой руки кожаную перчатку, коснулся пальцами сенсорного экрана смартфона.

— Я нашёл... — сообщил он невидимому собеседнику. После этого произнёс ещё несколько фраз, прерываемых непродолжительными паузами. — Нет, лаз. Собаки. Если пролезут собаки... Ну, подкопать придётся. Сколько у меня времени?.. Да-да, постараюсь успеть.

Закончив разговор, Таракан спрятал мобильник в карман и резко обернулся. И очень вовремя. Он увидел, как стремительно приближающийся Спецназ отгалкивается от земли всеми четырьмя лапами и прыгает на него. Таракан, пытаясь прикрыть голову, вскинул кверху левую руку с зажатой в ней правой перчаткой, а правой рукой ухватился за рукоятку находящегося на поясе ножа. Затем, когда Спецназ снова кинулся на Таракана, последовало рассчитанное и точное движение, хорошо отрепетированное.

А перчатку пришлось выбросить. Она, эта порванная собачьими клыками перчатка, попала на глаза Матери, когда она в поисках Спецназа металась среди кустов и деревьев. Мать обнюхала находку, повертела, ухватила зачем-то её зубами и даже попробовала разорвать, однако передумала и отшвырнула в сторону.

Неудачный поход продотряда

Лежебока, Обжора, Сплетница и Фашист сидели посередине лесной поляны, выстроившись в шеренгу, а Турист, преисполненный важности, прохаживался перед ними и вещал о трудностях, с которыми сталкиваются путешествующие собаки. Затем он остановился и спросил:

— Что ещё необходимо помнить, путешествуя на большие расстояния в режиме долгосрочного странствия по миру? Ну, кто знает?

— Поесть не мешало бы на дорожку, — высказалась Обжора и облизнулась.

— И выспаться. Кхе! — добавила Лежебока и, потягиваясь, широко зевнула.

Малорослая Сплетница втянула голову в плечи и отодвинулась от Лежебоки.

— Ты пасть-то прикрывай, когда зеваешь. Мне даже страшно стало.

— Да, сбегать в деревню, подкормиться, потом отоспаться... — мечтательно проговорила Обжора.

Сплетница нахмурилась.

— Местные накостыляют.

— Всем вместе двинуть. С понтом, продотряд, — предложила Обжора. Сдаваться она и не думала. — Да, всем коллективом.

Турист, крайне недовольный развитием событий, пробовал протестовать и скандалить, настаивая на необходимости не откладывать путешествие в долгий ящик, однако потерпел поражение. И спустя непродолжительное время Обжора, Сплетница, Турист, Фашист и Лежебока (она позади всех) уже бежали по лесной тропинке, приближаясь к Эм-3. Достигнув дороги, они отправились по ней в направлении то ли действительно существующих заманчивых запахов чего-то неописуемо вкусного, то ли всего лишь рождаемых богатым воображением размечтавшихся зверей.

Неожиданно от придорожных кустов отделилась четвероногая фигура. Это был Предатель.

— Далеко ли, уважаемые? — спросил он с усмешкой, когда собаки остановились напротив него.

— Сам-то как думаешь? — недовольно произнёс Фашист.

Предатель многозначительно улыбнулся и, слегка понизив голос, сказал:

— Тут и поближе что покушать найдётся.

Обжора подскочила к Предателю.

— Что? Где?

Предатель кивнул в сторону.

— Кусты рябины видите? Щас из-за них сотня килограммчиков выкатится.

Какие килограммчики? Почему и с чего это вдруг они выкатятся? Естественные, казалось бы, вопросы, однако никто из оголодавших особей Предателю их не задал — просто все бросились бежать по дороге туда, где к ней вплотную подступали кусты рябины. Предатель же, довольно улыбающийся, остался стоять на прежнем месте. А когда из-за кустов рябины показался Таракан, выкатывающий на дорогу мотоцикл, Предатель укрылся за одиноко растущей у самой дороги берёзкой.

— Вот гады! — прорычал Таракан, обнаружив бегущих в его сторону собак, и поспешно поставил мотоцикл на подножку. Затем он нагнулся и вырвал из-под коробки передач прикреплённый к ней скотчем пистолет.

Фашист, нёсшийся впереди всех, затормозил всеми четырьмя лапами и выкрикнул:

— Агас! Подстава!

Обжора, Сплетница, Турист и Лежебока также резко остановились.

— Я знала! — взвыла Сплетница.

— Я же уже настроилась! — с отчаянием простонала Обжора, изумлённо уставившись на Таракана, целящегося в неё из пистолета.

— Уходим по одному! — прокричал Турист и метнулся в сторону.

Остальные, кто мгновенно, а кто и с некоторой задержкой, то есть уже после того, как зазвучали выстрелы, бросились врассыпную.

Тяжёлая материнская доля

За несколько секунд до того, как зазвучали выстрелы, Мать сделала шаг в сторону от лежащего на лесной полянке Спецназа и проговорила:

— У меня дети, мне некогда твои раны зализывать.

Пять минут тому назад она нашла Спецназа около покрытой мхом валёжины, оказала первую медицинскую помощь и помогла перебраться на эту полянку, прогреваемую почти прозрачными лучиками солнца.

— Да заживёт, как... — Спецназ покосился на резаную рану на своём правом боку. — Заживёт, в общем. Кровь ты почти остановила. А то что...

Спецназ замолчал и принялся считать зазвучавшие в отдалении выстрелы.

— Что это? Ты слышал? — обернулась к нему Мать.

— Это Стечкин. Кстати, видел я уже Таракана. За нашего принял.

— Давай провожу на Эрвэпэдэ, — предложила Мать. — Кто-нибудь там наверняка в ближайшее время появится.

— Полежу, — отказался Спецназ. — А то и вообще здесь заночую.

Мать с сомнением осмотрела Спецназа.

— Не справишься тебе с ним.

— Ну уж! — Спецназ вскинул голову. — Я ж порвал ему руку!

Мать усмехнулась.

— Перчатку ты порвал, а не руку.

Спецназ предпринял попытку вскочить на ноги.

— Нет! Я... Ой! — Он скривился от боли и осторожно опустился на землю. — Да, он держал в руке перчатку.

— Хотя ты и сзади... — не без иронии произнесла Мать.

— А это нормально, — запротестовал Спецназ. — Если противник превосходит в... Ну, если разные, к примеру, весовые категории, то так и полагается.

— Возможно. Но как-то... не очень достойно, что ли. И вцепиться следовало в глотку. Разве нет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.